

Бьярне Ройтер

Кольцо принца Файсала

КомпасГид
издательский дом

Бьярне Ройтер

Кольцо принца Файсала

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40427950

Кольцо принца Файсала: КомпасГид; М.; 2019

ISBN 978-5-00083-607-1

Аннотация

Исторический роман, от которого не оторваться. Мир XVII века, каким его воссоздал наш современник. Пиратские нравы, рабовладельческие суда, очарование странствий – и всё это от первого лица, как в крутой видеоигре. Вот такая удивительная книга у вас в руках!

Том Коллинз заглядывает в морскую пучину. И ловит там взгляд – пронзительный, завораживающий. С этого начинаются приключения 14-летнего паренька с карибского острова Невис. Конечно, это взгляд русалки – скульптуры с носа затонувшего корабля. За нее цепляется, спасая свою жизнь, человек, называющий себя Благочестивым. Именно он отдаст в собственность Тому «половину» темнокожего раба по имени Бибидо. И не просто раба – принца, будущего вождя могущественного племени. Герой отправится через полмира к островам Зеленого Мыса, чтобы вернуть Бибидо на родину. Впереди у него схватка с акулой, побег с сахарной плантации,

дружба с легендарным пиратом Буллем и другие захватывающие приключения.

Бьярне Ройтер (родился в 1950 году) – известный датский писатель и сценарист, чье творчество вот уже более сорока лет находит все новых и новых поклонников. Его книгой «КомпасГид» открывает серию современных исторических романов – напоминающих великую классику, но принадлежащих нашему веку и по духу, и по языку. «Кольцо принца Файсала», перевод которого на английский язык снискал большую популярность, был номинирован на премию имени Х. К. Андерсена.

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Том Коллинз	7
Глава 2. Теодора Долорес Васкес	23
Глава 3. Рамон Благочестивый	47
Глава 4. Отец Инноченче	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Бьярне Ройтер

Кольцо принца Файсала

Originally published under the title Prins Faisals Ring by
Bjarne Reuter

© Bjarne Reuter & Gyldendal, Copenhagen 2000. Published
by agreement with Gyldendal Group Agency.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельский дом «КомпасГид», 2019

* * *

*Посвящается Филиппу, Андерсу, Анне-Софи и
Максу*

Часть I

Глава 1. Том Коллинз

В 1639 году от Рождества Христова у берегов Сент-Кристофера перевернулся и канул в пучину со всеми, кто был на борту, португальский галеон. На своем пути из Африки в Новый Свет судно попало в шторм, потом на борту вспыхнул мятеж, и курс корабля изменили. Дальнейшая судьба команды и четырех сотен рабов, которых везли на продажу в Бразилию, осталась неизвестной, но слухи о кораблекрушении со скоростью порохового огня разнеслись по всем островам Карибского моря. Каждую ночь мужчины и женщины, молодые и старые отправлялись в море на охоту за богатствами затопленного галеона, и фонарики на их утлых лодчонках мерцали подобно тысячам светлячков во мраке ночи.

Затонувший трехмачтовый корабль являл собой роскошный образец судна с полным парусным вооружением, поражающий своей величиной, красотой и изяществом. Остались же от него лишь рябь на воде, всплывшая фигура, некогда украшавшая нос корабля, да два жалких оборванца. Вот о них-то и пойдет речь в нашей истории. И еще, конечно же, о Томе Коллинзе, парнишке четырнадцати лет, который ро-

дился и вырос на Невисе, крошечном островке, известном своими затяжными тропическими ливнями и древним потухшим вулканом, чей конус с маленькой белой оборкой наверху возвышался в самом центре острова.

Семья Коллинзов состояла из трех человек. Кроме Тома были еще его мама и его сводная сестра, Теодора, которая была на год старше брата.

Все они работали в небольшой таверне в одной из гаваней острова. Хозяин таверны, сеньор Лопес, взял мать Тома к себе в услужение, когда ее первый муж, отец Теодоры, погиб на дуэли. Второй ее муж, ирландец, скончался от лихорадки, когда Тому было всего два года.

Теперь же вдова целиком и полностью зависела от сеньора Лопеса, и бедной женщине приходилось уповать лишь на усердие своих детей. Жили они довольно неплохо: имели крышу над головой, каждый день получали еду и в лохмотьях не ходили, но, едва встав на ноги, Том каждую свободную минуту проводил на побережье, в надежде найти сокровище, которое освободило бы его семью от грубого хозяина.

Эта история началась в одну из темных сентябрьских ночей, когда на море всюду бушевал шторм.

Том как раз закончил протирать столы и прикрыл дверь в заднее помещение, где сеньор Лопес ругал его маму за низкую выручку. Тому было прекрасно известно, что мать никогда и думать не смела о том, чтобы кого-то надуть, тем бо-

лее их хозяина сеньора Лопеса. Каждую неделю она и Теодора мыли хозяину ноги, терли спину, стригли ногти и бороду, вылавливали в голове вшей. Они давали ему отвар из пижмы – от глистов, из душицы – для улучшения пищеварения и красное вино – для поднятия настроения.

– Уж кому, как не мне, знать про твою страсть к деньгам, – брюзжал хозяин. – Твое сердце гложет ненасытный огонь алчности. Ты ничем не лучше остальных, а твоя наглая девчонка скоро распугает мне всех клиентов своим острым языком и надменным нравом. Придется закрывать трактир и искать другие средства на пропитание. А уж что тогда станет с вдовой Коллинз и ее двумя щенками – только Богу известно!

– Что вы, сеньор Лопес, ваша таверна настоящее золотое дно, – возражала мать Тома. Стоя позади трактирщика, она расчесывала гребнем его шевелюру.

Сам сеньор Лопес, обложившись подушками, восседал в кресле, которое приходилось переделывать по три раза в год, чтобы уместить в нем весьма объемистую заднюю часть хозяина.

– Золотое дно, скажешь тоже, – пропыхтел испанец, расстегивая воротничок, – да что ты знаешь о расходах, которые мне приходится нести, а уж сколько моя таверна натерпелась от спекулянтов, и подумать страшно! Ко всему прочему Бог наградил меня слишком мягким и нерешительным нравом, чем ты и твое отродье пользуетесь почем зря.

Том возмущенно тряхнул головой и принялся водружать стулья на столы, чтобы вымыть пол.

– А твоей доченьке нынче снова вздумалось мне перечить, – продолжил Лопес. – Это мне-то, ее единственной защите от нищеты и болезней! А ведь я денно и ночью забочусь о ней, равно как и о ее матери и брате, этом чертовом ирландце, в чьих глазах живет сам дьявол. Клянусь, он дышит жабрами! Он так долго торчит под водой, что его и без того отвратительная рожа становится зеленой, как у жабы. Пригрел змею на груди, нечего сказать. Я теперь даже по ночам плохо сплю. Кто знает, что этому малому взбредет в голову, покуда добропорядочные люди почивают в своих постелях.

– Сеньор Лопес может спать спокойно, ему ничего не грозит, – попыталась утешить хозяина мать Тома.

– Нет, я не могу спать спокойно, – визгливо отозвался сеньор Лопес. – А хуже всего эти его истории, которые он мастак выдумывать. Ложь от начала и до конца. Стоит ему только открыть рот, как из него льется нескончаемый поток лжи.

– Том – хороший мальчик, и вы отлично это знаете, сеньор. Просто у него очень живое воображение, но это совсем не то, что ложь.

– Он – хулиган, а его сестра – наглая язва и вдобавок корчит из себя невесть что.

– Я поговорю с Тео, сеньор Лопес.

Мамин низкий спокойный голос, как правило, действовал успокаивающе на толстяка-хозяина.

Острый язычок Теодоры постоянно становился темой для подобных разговоров. И Тому это нравилось. При мысли о том, что его сводная сестрица скоро получит очередной нагоняй, у него тут же поднялось настроение, и, когда он шел запирать дверь таверны, на его губах играла улыбка.

– А ведь у нее-то был отец-испанец, – продолжал между тем Лопес.

– В этом-то и беда, – пробормотал Том. Он как раз соби-
рался потушить свечу на стойке, когда в дверь постучали.

Том вздохнул и бросил взгляд на полоску света, отделяв-
шую темную залу таверны от хозяйских покоев, где в двух
массивных канделябрах всегда горели свечи, потому что хо-
зяин боялся темноты и даже спал, вцепившись зубами в ру-
кав своей ночной рубашки.

Том приблизился к входной двери и тихо, но решительно
произнес, что таверна закрыта. Стук раздался снова.

– Сказал же, мы закрыты. Приходите завтра.

Дверь в хозяйские покои приоткрылась.

Том оглянулся. Мать мыла ноги сеньору Лопесу. Сам же
толстяк сидел, оставив на Тома свою трость в серебряной
оправе.

– Ты, ирландский пес, – рявкнул он, – открывай, когда за
дверью посетитель. На что мы жить будем, подумал?

Том пожал плечами и открыл. Ночь была угольно-черной,

и только море слабо светилось в темноте. Человек, стоявший за дверью, был плотно закутан в черные одежды, однако Том сразу узнал бездомную старуху Самору. Говорили, что ей лет двести, не меньше. Сама же она утверждала, что видела, как океан появился изо рта лягушки, той самой лягушки, которая была началом всех начал и которая одарила Самору своей великой мудростью, а в придачу еще и подернутым молочно-белой пленкой глазом, который умел видеть людей насквозь. Жила она тем, что готовила странные мази, облегчала запоры и врачевала людские раны. За бутылочку домашнего вина она могла предсказать моряку, ждет его любовь или несчастье. Однако всем было известно, что в молодые годы Самора была хорошей повитухой и даже помогала Элиноре Коллинз при родах Тома.

Самора уселась за ближайшим столом и попросила кувшин воды.

– Просим прощения, но деньги вперед, – последовал ответ от хозяина, который распахнул дверь своей тростью и теперь заглядывал в зал.

Том зашел за стойку, где стояло ведро с водой, которой он только что мыл столы. Он не собирался раздавать свежую питьевую воду направо и налево, и уж тем более Саморе, которая редко платила, а сейчас вдобавок мешала ему отправиться в море до того, как появятся другие охотники за удачей.

Том перелил грязную воду в глиняный кувшин и поставил

его перед старухой. Та усталым движением отбросила капюшон, обнажив загорелую, почти лысую голову. Один глаз у нее почти все время был закрыт, а второй, подернутый молочной пленкой, взирал на Тома с каким-то странным выражением.

Трясушимися руками Самора схватила кувшин и одним махом осушила его.

– Том Коллинз, – вздохнула она, утираясь ребром ладони, – а ведь твой отец был мне должен.

Самора частенько бормотала подобные вещи, так что уже никто не обращал на них внимания.

– Но нас с тобой это не касается, мой мальчик. Где твоя мать?

– Она у сеньора Лопеса, а таверна закрыта.

– Твоя мать никогда не отказывала мне в стаканчике винца из того бочонка, куда сливают все то, что не допили посетители. Но, быть может, ты сам уже все выпил? Как же ты все-таки похож на своего отца. И все так же не в ладах со своей сестрой? Да, не в ладах, Том, не в ладах. Ты ненавидишь испанцев, а она на дух не переносит твою ирландскую кровь. Я вижу это по твоим зеленым глазам. Ну же, давай-ка, налей мне стаканчик, и мы побеседуем о твоём отце. Он умел постоять за себя. Проклятая лихорадка свела его в могилу. Да здравствует мудрец Гиппократ, учивший, что лучший друг всякой заразы – наши собственные суеверия. Заруби себе это на носу, юный Том. Воля Божья не имеет ничего общего с

лихорадкой, а чума происходит от крыс. А теперь подавай вино на стол!

Том скрестил руки на груди.

– Если хочешь вина, сначала заплати.

– И то верно. Я расплачусь с тобой, Том.

– Чем?

Самора огляделась по сторонам. На ее бледных губах заиграла едва заметная улыбка. Том бросил взгляд на ее сгорбленную тень, косо легшую на потолок.

– Ветер, – прошептала Самора, – странный ветер дует этой ночью. То с востока, то с запада, кружит вихрем по морю, а ряби не оставляет. Знаешь, как прозвали такой ветер? Люди зовут его Бризом Желаний. Он дует напрямиком из распахнутого рта Судьбы, и тем, кто умеет слушать, он может многое рассказать. В такие ночи, как эта, встречаешь своего Создателя.

Молочный глаз Саморы скользнул по Тому.

– У Судьбы всегда два сжатых кулака, ибо в ее руках нити тех дорог, одну из которых тебе предстоит избрать. Вопрос только в том, какую руку ты выберешь, мой дорогой Том.

Том вздохнул и покачал головой.

– Протяни мне свою руку, юный Коллинз.

– Нет уж, спасибо.

– Надо быть смелым, чтобы узнать, что написано у тебя на ладони. Но, полагаю, ты уже достаточно взрослый, чтобы услышать, что тебя ждет. Твой отец был храбрецом. Черес-

чур горячим и вспылчивым, но храбрцом.

– Я знаю.

– Меня, видевшую, как море и земля превращаются в огонь, едва ли ждет что-то хорошее, но, сдастся мне, *твоя* судьба отличается от участи других людей.

– Вот как?

С неожиданной силой Самора вдруг стиснула Тому запястье. Ее молочный глаз впился в него, как колючка.

– Стаканчик, всего за один-единственный стаканчик вина я поведаю тебе всю твою жизнь.

– Отпусти руку, Самора.

– Всего один стаканчик из Бочонка Остатков, куда твоя сестра сливает недопитое посетителями вино, процеживая его через красную прожженную скатерть, чтобы очистить от объедков, табачных крошек и всякой заразы. Ах, знавала я в жизни угощения! Ты ведь знаешь, Том, я повсюду бываю. Видала я людей, умерших от пьянства, матросов, скатившихся на самое дно и повешенных на той же веревке, что не раз спасала им жизнь во время океанских штормов. Твой же путь, Том Коллинз, тернист и сложен и заведет тебя далеко, гораздо дальше, чем тебе самому этого захочется. И если когда-нибудь тебе покажется, что ты зашел в тупик, вспомни мои слова: на Ямайке есть кабачок, прозванный в народе «Сапогом Люцифера». Когда все другие возможности будут исчерпаны, ты найдешь там то, что ищешь, ибо «Сапог» – это настоящее кладбище заблудших душ. Там знают цену Бочон-

ку Остатков и никогда не откажут страждущему в глоточке вина. Но я на тебя зла не держу. Дай мне твою правую руку, Том. Левая здесь не годится, ибо в ней ты держишь меч – орудие смерти. Потому что ты левша, не правда ли, Том Коллинз?.. Это было сразу понятно, едва ты покинул чрево своей матери, такой же рыжеволосый, как и сейчас. Но, быть может, тебе все равно и ты не хочешь узнать о том, что тебя ждет?

Том не ответил, но попятился к стойке и, разыскав чистый кувшин, наполнил его из Бочонка Остатков, украдкой поглядывая на дверь, ведущую в хозяйские покои.

Самора опрокинула в себя вино с той же скоростью, что и воду. Ее зрачок внезапно расширился и разорвал молочно-белую пелену; больной глаз неожиданно вспыхнул и стал черным, как ночное небо над крышей таверны.

– Теперь положи свою руку на стол, Том, и сожми ее в кулак. Крепко сожми, до боли, чтобы побелели костяшки пальцев.

Том во все глаза уставился на свой кулак, белевший прямо на глазах, и почувствовал боль. Рука дрожала так, что под ней трясся стол.

– Еще немного, Том, еще немного.

– Я... больше... не могу.

– Можешь.

В глазах у Тома потемнело. Он чувствовал, что задыхается, и поднял кулак, словно собираясь ударить старуху по лбу.

– Вот так, Том, – прошептала гадалка, – теперь разожми кулак и положи ладонь на стол.

Обессиленный Том упал обратно на стул.

– Твоя ладонь, Том, – тихо заговорила Самора, – подобна морской карте, на которой нанесено будущее. По ней ты можешь выбрать, каким курсом тебе плыть. Зная свои возможности, предостерегающие тебя опасности и короткие пути, ты сможешь выбрать правильный курс для своего корабля и стать на нем единоличным капитаном. Слушай и запоминай, Том. Каждое мое слово, сказанное этой ночью, накрепко засядет в твоей голове. Ни одно не будет забыто.

Том откашлялся.

– Расскажи мне, что ты видишь? – попросил он.

– Что ты упрямый сорванец, Том.

– Да, так говорят, что еще?

– И честолюбивый малый. Ты хочешь быть богатым, страшно богатым. Но ты печешься не только о себе. Ты хочешь выволить из этого дома свою мать.

– Это всякий знает.

– В глубине души, – продолжила Самора, – в самой глубине души ты также хочешь выкупить свою сводную сестру.

– Вот тут ты ошибаешься, – огрызнулся Том, – пускай эта испанская крыса сама о себе хлопочет.

Самора сильно наклонилась вперед, так что почти легла на стол.

– Что получится, если смешать глоток благородного вина,

крепкого рома и чистейшей ключевой воды?

Том закрыл глаза и покачал головой.

– Нечто непригодное для питья. Бурда, короче.

Ответ, кажется, развеселил Самору.

– Ты только что описал сам себя, Том Коллинз, – старуха хрипло расхохоталась.

– самого себя? Это что, загадка такая или ты просто шутишь?

– Ни то и ни другое. На твоей ладони я вижу косую линию, говорящую о благородстве крови, треугольник непорочности и две параллельные линии подлости. В твоих жилах намешаны голубая кровь аристократа, ключевая вода и бурлящая кровь пирата. Как ты и сказал – самая настоящая бурда.

– Что за вздор ты несешь, – фыркнул Том. Уж он-то знал своих предков: ни пиратов, ни аристократов среди них не было. Однако чистую ключевую воду он воспринял благосклонно.

Самора улыбнулась.

– Расскажи мне, какие планы у тебя на эту ночь?

– Я думал, ты сама мне об этом расскажешь, но раз ты спрашиваешь, то изволь – мои планы все те же, что и пять прошедших ночей подряд.

Самора ободряюще кивнула ему, и Том, понизив голос, рассказал ей о своих поисках на море. О своих долгих головокругительных погружениях и о надежде найти сокровище с затонувшего корабля, которое сможет изменить жизнь его

семьи. Все его мечты были об одном: как он сполна рассчитается с сеньором Лопесом, а на прощанье отвесит ему такой крепкий пинок под зад, что тот уже навряд ли когда сядет.

– Сокровища, значит, – поддразнила его гадалка, – доски, подсвечники и пушечные ядра. В море полно этого добра. Да еще фарфор, какого ты никогда и не видывал, драгоценности, сияющие так, словно их сорвали прямо с ночного неба, башмаки с золотыми пряжками... А еще рубины и алмазы, которые сверкают, словно клык в пасти пирата.

В таверне стало тихо. Том откашлялся.

– Какого еще пирата? – пробормотал он.

Гадалка усмехнулась:

– Единственного достойного упоминания. Ч. У. Булля.

– Ты видела его? – прошептал Том.

– Я все видела, Том, и увиденное сделало мой глаз белым, а мой земной путь – тяжелым. Для верности все же стоит добавить, что клык тот не из благородных камней. Это всего лишь прогнивший зуб.

– Ты имеешь в виду того самого Ч. У. Булля?

– А тебе интересно, Том?

– Так ты видела его или нет?

Гадалка довольно зачмокала.

– Я даже сидела с ним за одним столом. Его бриг бросил якорь в миле от Гренады. Меня позвали к нему, и мы распили с ним лучший ром, который я когда-либо пробовала... Капельку его я до сих пор храню в дупле своего зуба. Белый,

как зубик у ребенка, ром был сварен из отборнейшего сахарного сиропа.

– Ворованный, полагаю?

– На судне Булля ничто не было ворованным, – огрызнулась Самора. – У него даже ремень был сделан из человеческой кожи, а гребень для волос он вырезал сам из кости одной немецкой графини, чье мясо было засолено и съедено каннибалами, которые служат на борту. Когда я увидела Булля, он был совсем без одежды, голый, закутанный лишь в свой любимый флаг, черный, тот самый, где капитан чокается со Смертью в образе скелета. Как ты понимаешь, Булль продал свою душу дьяволу.

– Жаль, что они тебя не съели, – фыркнул Том.

– Да что тут есть, кожа да кости, а команда капитана Булля любит что помясистее.

Том зачарованно уставился в пространство.

– А он в самом деле так ужасен, как о нем говорят?

– Он – худший из твоих ночных кошмаров, а в его команде собраны самые кровожадные пираты, которые когда-либо бороздили просторы семи морей. Их всего тридцать девять, и у всех, от штурмана до кока, по девять пальцев на руках. Капитан показывал мне свою коллекцию. Она хранится у него в каюте в специальном шкафчике, где за дверкой на крючках висят все тридцать девять отрубленных черно-синих пальцев.

Том уставился в потолок, мечтательно улыбаясь.

– Но теперь послушай-ка, что я тебе скажу, Том Коллинз, – прошептала Самора, – послушай и хорошенько запомни, потому что и тебя настигнет искушение.

– Искушение?

– Да, искушение. Твоя вечная страсть к золоту скоро даст о себе знать, но ты не поддавайся. Вместо этого лучше вспомни о тридцати девяти пальцах и подумай о тех тридцати девяти пиратах, которым суждено доживать свою жизнь с черной дыркой на руке. Эти люди никогда больше не станут прежними, ибо правду говорят, что в среднем суставе безымянного пальца моряка живет его страсть к золоту.

С этими словами старуха поднялась, обошла стойку и налила себе еще стаканчик вина. Затем она открыла дверь таверны и вышла в ночь, из самого сердца которой лился изумрудно-зеленый свет. То светилось само море.

– Знаешь ли ты, как появилась тьма? – спросила Самора. – Нет, не знаешь. Однажды, давным-давно, в мире не было ни тьмы, ни ночи, ни сна. Жизнь была подобна нескончаемому дню без тревог и волнений. Никто не считал часы и недели, не было границ между вчера, сегодня и завтра. И еще не ведая, что это такое, все живое грезило о черном покрывале ночи.

На этих словах Самора подмигнула Тому и продолжила мягким, почти усыпляющим голосом:

– И тут появился зеленый пеликан, а он, как тебе, должно быть, известно, умнейшая птица. Он прослышал о том, что

бывают сумерки и рассветы, и выхватил из речного потока ночь, и принес ее в мир. Тут появились тукан, колибри и попугай, а следом за ними – броненосец, муравьед и тапир, и наконец пришел пятнистый ягуар, хищник, что охотится в ночи. И представь себе, Том, он съел этого зеленого пеликана. Вот почему у нас есть ночь и день и почему никто из людей никогда не видел зеленого пеликана. То, что ушло, уже никогда не вернется обратно. Поэтому береги свой безымянный палец, Том Коллинз.

– И это все, что ты можешь сказать четырнадцатилетнему парню? – недовольно проворчал Том и сплюнул.

– Да, – пробормотала гадалка и натянула капюшон на голову, – это плата за твою грязную воду, и, кстати, четырнадцать тебе исполнится только в ноябре. Ложь липнет к твоему языку, Том, но плюешься ты далеко, так что, глядишь, и правду выплюнешь. Хотя тебе это простительно. Когда ты родился, на пристани в бухте лежали семь крокодилов. Чтобы умилостивить их, мы кидали в воду рыбу. Они бросились за ней в море, только пятеро выжили в драке.

Самора поглубже надвинула капюшон и вздохнула.

– Прощай, юный Коллинз, – сказала она, – никогда не слушай геккона и остерегайся Пояса Ориона, ибо это единственное из ночных созвездий, что желает тебе зла.

Глава 2. Теодора Долорес Васкес

Том сидел в комнатухе с низким потолком, которую он делил со своими матерью и сестрой. Здесь хранились их собственные пожитки, в том числе коллекция редких камней, которые Том нашел на берегу и на морском дне. Еще он хранил здесь старый кожаный ремень отца и морскую карту, которая, насколько Тому было известно, охватывала большую часть мира. Карта эта была самодельной и едва ли могла пригодиться в плавании, зато на ней были отмечены крестиками лучшие места для рыбалки в прибрежных водах. Европа была изображена здесь в виде остроносого тапира, на которого, по мнению художника, походило большинство испанцев. Сама же Испания выглядела как едва заметная бородавка на теле континента, равного половине Африки, пестрящей изображениями длинноногих жирафов и рычащих львов. Между Карибами и Африкой художник изобразил пять больших судов, одно краше другого, и на самом большом из них – трехмачтовом галеоне – был нарисован отважный капитан с огненно-рыжими волосами и ослепительной абордажной саблей за поясом.

Том знал, что есть карты поновее и получше этой, и мечтал стать тем, кто однажды перенесет весь белый свет на бумагу.

На оборотной стороне карты он изобразил как мог звезд-

ное небо и на этот рисунок полагался больше, чем на саму карту. Том знал каждое созвездие и легко мог плавать ночью.

Мать лежала на спине, волны ее длинных светлых волос разметались по подушке, на губах блуждала едва заметная робкая улыбка. Глаза были закрыты неплотно, и оттого было непонятно, спит она или только прилегла отдохнуть и скоро снова встанет.

Том поцеловал маму в щеку и взял за руку. От кожи матери, как обычно, пахло лимонами, которые она клала в воду для умывания, но для Тома не было аромата лучше.

Он разглядывал ее руку. Большую, загрубелую. Как у мужчины. Но матери в самом деле приходилось выполнять мужскую работу.

«Все это должно остаться в прошлом», – подумал Том и встал с кровати.

Сборы не заняли много времени. Том взял сальную свечу, кожаный ремень и просмоленную веревку и мягкой, неслышной поступью спустился с лестницы.

В зале таверны царил полумрак. Он нашел фляжку, налил в нее воды и заодно прихватил золотистую макрель, плававшую в ведре брюхом вверх.

Прежде чем покинуть таверну, Том заглянул к сеньору Лопесу, который лежал с расстегнутыми штанами и храпел, вцепившись зубами в ворот ночной рубашки.

В ту ночь действительно дул необычный ветер, то с восто-

ка, то с запада, но Тому было все равно. Чтобы такого бывалого моряка, как он, еще поучала какая-то старуха! К тому же им внезапно овладело странное, но очень ясное предчувствие, что скоро ему повезет. Тело толкало его вперед. Он чувствовал в себе силы, энергию, упорство и желание.

Желание было самым важным. Оно давало Тому преимущество перед другими. С ним он придет к цели первым. Ничто не сможет сломить его. Когда Тео спрашивала, почему он думает, что найдет сокровище раньше тысячи взрослых мужчин, ответ был всегда один и тот же: «Потому что я так хочу».

– Дай мне лодку, подходящих размеров камень, старый отцовский ремень и фляжку с водой. А все остальное придет само. Почему? Потому что я так хочу.

Шагая по коричневому песку, Том улыбался собственным мыслям, но вдруг его ноги остановились как вкопанные. Лодки не было.

Том стиснул зубы и отшвырнул от себя веревку. Нагнувшись, он пошел по следу лодки, которую совсем недавно кто-то волок по песку. След уходил в море.

– Будь ты проклята, Теодора Долорес Васкес! – заорал он. – Будь прокляты все сестры на свете!

После этого Том сел на камень и сказал себе, что надо успокоиться. Он, если хорошенько пораскинет мозгами, скоро обязательно отыщет другую возможность выйти в море. Пожалуй, он мог бы одолжить лодку, но беда в том, что все

лодки сейчас были заняты. Ни одно даже самое ветхое суденышко не осталось на берегу. В море вышло человек сто, не меньше. С провизией на борту охотники за удачей проводили в море по нескольку дней. Том знал, что некоторые из них доходили до крайностей и что однажды в открытом море нашли старика, скончавшегося от колотой раны.

«Я мог бы взять его лодку», – подумал Том. Но он понятия не имел, где жил тот старик. Другую же лодку придется украсть. Том бросил взгляд на нож, торчавший у него за поясом. Вряд ли он решится на такое ради возможности выйти в море сегодня ночью. Ах, какая досада! Сеньор Лопес будет дрыхнуть еще часов десять, и у Тома была бы куча времени сплавать куда угодно. Но лодка! Чертова сестра увела ее прямо из-под носа, прекрасно зная, что поиски сокровища были для него единственным смыслом жизни.

Том что есть силы пнул камень, зашиб ногу и, улегшись на песок, уставился в матово-черное ночное небо. Закрыв глаза, он почувствовал, как дневная усталость охватывает тело. Он лежал, слушал прибой и чувствовал себя совсем неплохо. Запах соленого моря сменился неясными видениями покрытых чешуей русалок. Говорят, они умеют петь. Отец Тома был одним из тех, кому довелось их услышать. Он рассказывал, что русалки поют колыбельные. Чудесные, нежные колыбельные.

Когда Том снова открыл глаза, над горизонтом сияло

солнце.

Море отливало то алым, то черным цветом. На торчащем из воды колышке для донной сети сидел пеликан и о чем-то тараторил на своем пеликаньем языке. Том заслонил глаза от бьющего в них света и тут же увидел сестру.

Смотреть, как она восседает в его лодке неподалеку от берега, было невыносимо. Лодка покачивалась на волнах, сама Теодора сидела лицом к пляжу, прямая как палка. Пестрый зонтик от солнца над ее головой делал зрелище еще более невыносимым. Потому что Тео просто сидела в лодке и ничего не делала. Прекрасно при этом зная, что он сейчас за ней наблюдает. И что он всю ночь бранил ее и проклинал на все лады.

Том мог бы запросто подплыть к ней, но решил, что такого удовольствия он ей не доставит. Он может и подождать.

Но был ли вообще смысл ждать? Было ли у него для этого время? Другие охотники за удачей уже давно могли поделить добычу между собой. Пока эта тощая швабра сидела у всех на виду и крутила своим облезлым зонтиком.

Том зажал нож между зубами и только собрался шагнуть в воду, когда увидел, что Тео взялась за весла.

Она гребла не торопясь и явно наслаждаясь утром. На ней была ее лучшая одежда: пурпурного цвета юбка, которая досталась ей от матери, и белая блуза. Толстая коса цвета воронова крыла лежала на спине, доставая до талии. Вдобавок она залезла в материну шкатулку с украшениями и расфран-

тилась как могла.

– Как кукла вырядилась, – процедил Том сквозь зубы.

Оказавшись на расстоянии слышимости, Теодора подняла весла и сделала вид, что страшно удивлена встречей с братом. Словно бы и не она провела в море всю ночь с одной лишь целью – хорошенько его позлить.

Том скрипнул зубами и нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

– А, это ты, Том, – воскликнула она, прикрывая глаза рукой от солнца, хотя оно светило ей в спину.

– А кого ты еще ожидала здесь увидеть? – крикнул он.

– Там, в море, мне показалось, что на берегу лежит какая-то собака. Но теперь-то я ясно вижу, что это ты.

– Да ну?

– Что ты здесь делаешь, да еще так рано?

– А ты как думаешь? Я ищу свою лодку. Ту, которую ты украла!

– Сбавь обороты, Томми. Ты весь покраснел и стал похож на соседского поросенка. Впрочем, для ирландца это неудивительно.

Том еле сдержался, чтобы не выругаться, и шагнул в воду.

– Плыви сюда с моей лодкой.

– Только если ты хорошенько попросишь. Я ведь могу и передумать, и тогда ищи-свищи свою лодку.

Том злобно сузил глаза. Хуже всего то, что она действительно могла так сделать. С нее станется. Она всегда была

себе на уме, говорила что хотела и любила делать из людей дураков. В придачу она была мастерицей выдумывать такие истории, что даже Том мысленно снимал перед ней шляпу. Одна из них – его любимая – была о волшебном порошке. По виду он напоминал молотый перец и, должно быть, и был каким-то перцем. Но Тео распустила слух, будто в этом порошке содержится источник вечной молодости. Слух быстро достиг ушей толстого сеньора Лопеса, и он тут же призвал девушку к себе.

– Жил один рыбак, – охотно начала Тео, – красивее мужчины свет не видывал. Высокий, широкоплечий, с тонкой талией, гибкий, словно тростинка, а силы у него было что у быка. Женщины стаями вились вокруг него, а было ему лет двадцать, я думаю. Но представьте, сеньор Лопес, как все удивились, когда правда выплыла наружу. Оказалось, что этому рыбаку почти шестьдесят. Я глазам своим не поверила и решила, что здесь, должно быть, замешано какое-то колдовство. Выяснилось, что этому рыбаку посчастливилось стать обладателем *афродизиака*, так назывался этот порошок на латыни. Я спрятала малую толику под подушку, чтобы, когда буду седой и старой, воспользоваться им и снова стать молодой и полной сил.

Больше Теодоре и рта раскрыть не дали и велели сейчас же принести тот маленький мешочек, где она хранила порошок.

– Вот только не знаю, сухим его принимать или запивать

водой, — добавила она, видя, что хозяин уже на пределе.

Выяснилось, что Тео получила этот порошок, прислуживая посетителям таверны. Вот сеньор Лопес и возомнил, что раз таверна его, то и порошок тоже его. Тео храбро защищала свое имущество, дело дошло чуть ли не до драки, но в конце концов порошок был растворен в кувшине с водой и исчез в толстом брюхе сеньора Лопеса. После чего хозяин лег спать, уверенный, что уже на следующее утро встанет здоровым и прекрасным, как в лучшие дни своей молодости.

Ночью они проснулись от страшного крика. Сеньор Лопес три дня не вылезал из уборной. Его била лихорадка, мутилось в глазах, и он все время слабым голосом звал Тео, которая топталась за дверью и грустно повторяла, что она действительно не знала, как правильно принимать порошок: в сухом виде или запивая водой. Несколько дней спустя, когда сеньор Лопес пришел в себя, Тео пришлось отвезти на вкус Хуана Карлоса, кожаного ремня, висевшего на двери хозяйской комнаты. Целый час в таверне только и слышно было, что звуки ударов, прежде чем Тому с матерью разрешили оттащить Теодору в их каморку наверху, где мать принялась врачевать окровавленную спину дочери.

За все это время из уст девушки не вырвалось ни стона, ни крика.

С самого раннего детства причиной почти всех ссор, вспыхивавших между Томом и Тео, являлись разные национальности их отцов. То, что отец Тома умер от лихорадки,

лежа в собственной постели, Теодора считала постыдным.

– Чему тут удивляться, – фыркала она, – ведь у ирландцев ни чести, ни гордости. Вот они и мрут как мухи в своих кроватках.

Подобными словами она бросалась, только когда их не слышала мать, и однажды это едва не стоило ей жизни. В тот день Теодора пребывала в особо скверном настроении и долго дразнила Тома. Разозлившись, Том загнал сестру на крышу таверны, но Теодора с ехидной улыбкой продолжала дразнить его и оттуда.

У Тома от злости брызнули слезы.

– Спускайся, ты, полукровка! – завопил он.

– Испанцы умирают на поле боя, – гордо крикнула Тео, – а ирландцы – в своих кроватках, с компрессами на лбу.

– Я заставлю тебя проглотить эти слова.

– А Коллинз, – продолжала издеваться Тео, – это даже не имя, а название болезни. У детей, – и Теодора захохотала в полном восторге от своей выдумки.

Брошенный нож по самую рукоять вошел в дерево всего в дюйме от ее лба.

С побелевшим лицом Тео следила, как брат в ярости карабкается на оливковое дерево, росшее рядом с домом.

– Твой отец, – орал он, – был хилый недомерок, испанский щенок, который по глупости ввязался в дуэль, но победить не смог. Хотя его противником был всего-навсего старый, дряхлый, полуслепой старик. Да что там! Разве вы, испанцы,

люди? Вы просто помесь осла и мухи – вечно копаетесь в навозе, только что не жрете его!

С этими словами Том достиг крыши, но тут Теодора вдруг выдернула нож и приставила его к горлу брата. Другой рукой она вцепилась в его рыжие вихры.

– Повтори, что ты сказал, Том Коллинз, – прошипела она.

Том почувствовал холодное лезвие ножа на своей коже; уж кто-кто, а он-то прекрасно знал, насколько оно было острым. На Невисе не нашлось бы никого, кто бы так же усердно заботился о своем оружии, как он.

– Повтори, что ты сказал!

– Ты имеешь в виду про осла или про муху? – прошипел в ответ Том.

– Ты умрешь, полукровка, – свирепо произнесла Теодора и нанесла Тому первую в его жизни рану.

Если бы он, по счастью, не потерял точку опоры и не съехал на два фута вниз по коньку крыши, она бы перерезала ему горло.

В тот же вечер им обоим пришлось угоститься Хуаном Карлосом, которого сеньор Лопес с превеликой радостью одолжил их матери. Дочь, привычная к подобным экзекуциям, не проронила ни слезинки, а вот сына пришлось связать, чтобы не вырывался.

– Она же до смерти могла меня забить, – кричал позже Том.

– Сам виноват, – огрызалась сестра. – Если уж берешься

бросать ножи, научись сначала делать это как следует.

– В следующий раз одним испанцем на Невисе станет меньше, – пообещал ей Том.

Но следующего раза не случилось, потому что тем же вечером их мать почувствовала себя плохо и слегла в постель. Ночью у нее началось сильнейшее кровотечение, причина которого так и осталась загадкой. Как бы то ни было, приглашенный лекарь сказал, что если кровь не остановится, то через несколько часов их матери не станет. Всю ночь вдова Коллинз пролежала бледная как полотно, но едва занялся день, как она позвала к себе детей. Несмотря на попытки остановить кровотечение, вся ее постель была пропитана кровью.

Пока Том утирал скупые мужские слезы, Теодора полоскала белье, попеременно то ругаясь, то вознося молитвы ко всем богам, каких только знала. Но помогало это мало. Вместе с кровью из тела Элиноры Коллинз уходила жизнь. Тогда Тео в отчаянии бросилась на постель матери, обхватила руками ее белое как мел лицо и поклялась, что они с Томом больше никогда не будут ссориться. Они всегда будут заботиться друг о друге, что бы ни случилось.

– Возьми меня за руку, Том, – прошептала Тео.

Том сжал руку сестры.

– Смотри, мама, – сказала Тео, – смотри, что бы ни случилось, мы никогда больше не вспомним о разнице между нами и всегда будем заботиться друг о друге.

– Всегда, – прошептал Том, – всегда.

То ли эти слова помогли унять кровотечение, то ли что-то еще, но их мама выздоровела, и с того самого дня ее дети если и не возлюбили друг друга, то, по крайней мере, перестали кидаться друг в друга ножами.

Но была и другая Теодора.

В памяти Тома засел образ девчонки, бегущей по берегу моря под оранжевой луной Кариб. Босая, с волосами, черными как уголь, дикая, словно пассат, и счастливая, словно самая первая в мире радужная рыбка, из чьей икры были сотворены звезды.

Однажды Тео прижала его к себе и спросила, чувствует ли он, как бьется ее сердце.

– Твоя и моя жизнь, Том, – прошептала она, – слышишь, как они бьются?

И, внезапно отпихнув его, громко рассмеялась и убежала.

* * *

– Возьми меня с собой, Тео, – кричит маленький мальчик, стараясь шагать в ногу с девочкой постарше.

– Куда, Томми?

– Куда хочешь, – отвечает карапуз.

– Ты должен выбрать сам, малыш.

– Покажи мне, где земля заканчивается.

Девчонка обхватывает его лицо своими теплыми, коричневыми от загара руками.

– Ты уже там, Том Коллинз.

– Ну тогда покажи, где земля начинается! – не сдастся он.

– Для этого ты должен сначала научиться плавать.

Том сидел на берегу и смотрел, как Тео вытаскивает лодку на песок.

Он ни слова не сказал сестре, когда та, важно вышагивая и мурлыкая себе под нос песенку, отправилась в таверну.

«Полукровка чертова, – думал Том, закидывая свои вещи в лодку. – Чтобы тебя в рабство продали и отправили куда-нибудь в Баию с первой же шхуной». Через час он был уже в открытом море и упорно продолжал грести дальше. Руки и плечи сводило судорогой, но он этого не замечал – злость придавала ему сил. Ветер стих, припекало, но он предусмотрительно взял с собой большое количество воды и теперь собирался растянуть ее запасы на как можно более долгое время. Том был настроен решительно: на этот раз он не вернется домой с пустыми руками.

Через четыре часа солнце уже стояло высоко в небе. Остров пропал из виду, но благодаря хорошему знанию моря Том нутром чувствовал, что скоро окажется на том самом месте, где затонул галеон.

Море было его другом, единственным и верным, который

не обманет и не предаст. Он часто разговаривал с волнами и, случалось, бросал в воду полную горсть своих самых красивых камешков, чтобы умиловить божество, которое могло одарить сокровищами, но так же легко могло всё отобрать и мгновенно поглотить даже самый большой фрегат. Проще говоря, с морской стихией следовало дружить. Нельзя бросать в нее злые слова или отзываться о ней в пренебрежительном тоне. И когда Том складывал ладони и молился Господу, то обращался он не к тому Богу, что на небесах, а к тому, что живет в море. К тому, кто поднимает волны и переворачивает суда. Морской Бог, чей замок в ледяных глубинах океана выстроен из красивейших кораллов и окружен неслышанными сокровищами. Нет на свете короля, который смог бы сравниться с Ним в своем богатстве. Потому что Морской Бог брал что хотел. Выпростав из глубин свою могучую руку, он забрал к себе португальский галеон с четырьмя сотнями душ на борту. Но Морской Бог не был старым скрягой, копившим богатства только для самого себя. Он был милостивым государем, который время от времени подкидывал лакомые кусочки тем, кто умеет ждать. И хотя на долю Тома до сих пор пришлось только ржавый кинжал, небольшой обломок доски и шкатулка, на крышке которой были вырезаны морские анемоны, он верил, что будет вознагражден за свое долготерпение.

Еще через час упорной гребли Том скинул с себя одежду

и завязал на поясе веревку. Немного посидел с закрытыми глазами, чтобы успокоиться и выровнять дыхание.

Океан был пуст. Только небо, вода и белоснежно-белый горизонт – граница этого мира, за которой океан обрушивался вниз гигантским водопадом с его вечно манящей радугой, чей фальшивый блеск свел так много бравых моряков в могилу.

Том бросил якорь, привязал к концу веревки камень и соскользнул в воду.

– Я иду, о могущественный Морской Бог, – тихо прошептал он, – прими с добром бедного парнишку с Невиса.

Последний глоток воздуха, и он уже под водой.

Том стремительно перевернулся и успел заметить резко уходящий вниз камень, который всем своим весом тянул его вниз. В ушах зашумело и защипало в носу.

Под водой работали другие мышцы, и теперь Том чувствовал себя свежим и полным сил. Все глубже и глубже погружался он, пока не различил морское дно и большой риф, который покоился на дне океана со дня сотворения мира.

Его глазам открылся совершенно другой мир. Огромное, погруженное в тишину царство, населенное красивейшими созданиями самых разных форм и расцветок, каких не встретишь на суше. Рыбы-ангелы, морские окуни и цихлиды, мерцавшие, словно драгоценные камни, моментально окружили его. Рядом плавали щитоносцы, рыбы-ежи и рыбы-клоуны. Тому казалось, что он был знаком с ними со всеми и

заранее знал, кого стоит опасаться.

Жаль только, что, кроме рыб и кораллов, в этом месте ничего полезного не оказалось.

Том покружился на месте и решил всплыть на поверхность и погрести еще немного. Португальский галеон имел, должно быть, большую осадку, и ему приходилось выбирать более глубокие воды.

Вода была такой прозрачной, что он видел лодку, которая покачивалась над ним на зеркальной глади океана, словно крошечная створка раковины.

Том быстро освободился от камня и поплыл вверх.

Через минуту он повис, вцепившись в борт лодки, уставший и измотанный, однако все равно готовый продолжать свои погружения.

Том сделал глоток воды, послушал ветер и задумался. Думал он о том же, что и всегда. О деревянном, обитом железом сундуке, который стоит где-то внизу, между камней и водорослей. Массивный и очень тяжелый – поднять его не удастся, сокровища придется забирать по частям.

Мысль о золоте была такой приятной, что Том решил немедленно поменять курс и плыть на восток.

День стал еще жарче, но мальчик не замечал, что солнце жжет ему ноги и спину, как не замечал волдырей, которые вздулись и лопнули у него на ладонях.

Еще два погружения также оказались неудачными, и Том начал подумывать о возвращении домой.

Солнце, уж верно, миновало зенит, но точно он этого не знал. Здесь, в море, свет воспринимался как-то иначе, словно приобретал другую форму.

«Должно быть, я просто устал», – подумал Том. Камни у него закончились, но Том не волновался – он мог нырять и без них. Сейчас надо было немного передохнуть. Выпить глоток воды, чуть-чуть вздремнуть, потом можно поворачивать к дому.

Том улегся на дно лодки, вытер окровавленные ладони о рубаху, прикрыл глаза и провалился в сон.

* * *

Когда он проснулся, ветер дул с севера. Волны бились о лодку, которая качалась то вверх, то вниз. Спускались сумерки. Он проспал почти весь день и чувствовал, что проголодался.

Том сверил свой курс по солнцу, опустил весла в воду и принялся грести. Болели ладони, но не это было самое страшное. Дома его ждал нагоняй от хозяина, а может быть, даже Хуан Карлос. Хотя, если перед тем как наказывать, ему дадут поесть, он не станет жаловаться.

Том греб уже три часа, а берега по-прежнему не было видно.

Солнце село, океан теперь был темно-зеленым, а ветер, подсушив тело и одежду Тома, неожиданно стих.

Похолодало, и на водную гладь моря легла кашеобразная пелена тумана. «Можно подождать, пока на небе появятся звезды», – подумал Том. Но последние ночи выдались беззвездными, а значит, лучше остановиться и ждать. Самое главное сейчас – сохранить силы и сберечь питьевую воду.

– Я не умру, – громко произнес Том, – я еще так молод. Слышишь, Морской Бог? Мне ведь только четырнадцать лет. Почти четырнадцать. И мы все это время были с тобой друзьями. Ты принимал от меня в дар мои самые красивые камешки.

Том улегся на дно лодки и принялся разговаривать сам с собой, чтобы унять испуганно бьющееся сердце.

Стояла странная тишина. Говорят, на том месте, где затонуло большое судно, воцаряется мертвая тишина. То океан охраняет могилу, где покоятся души утопленников. Быть может, он очутился на том самом месте, где потерпел крушение португальский галеон? И поэтому здесь было так тихо?

* * *

Через час стемнело окончательно.

Том взглянул на свои руки, которые мелко дрожали на ночном ветру. Но не от холода, а от усталости и тревоги, которой он никогда прежде не испытывал.

Он бросил взгляд на черные волны и поразился тому, насколько густым был туман – словно каша в горшке. Том за-

говорил с морем в надежде умиловить его. В конце концов он снял с себя отцовский ремень – самое дорогое, что у него было. Единственное, что оставил ему после себя человек, имя которого он унаследовал.

Том держал ремень над краем борта. Его рука тряслась, а голос дрожал.

– Прими этот дар, – прошептал он и смахнул выступившие слезы, – прими пояс отца Тома Коллинза. Позаботься о нем, о могущественный Бог Морей.

Пояс покачался какое-то время на воде, пока пряжка не утянула его вниз.

Когда ремень исчез, у Тома сжалось сердце, но теперь он был уверен, что океан обязательно смилостивится над ним и скоро он увидит первые звезды, которые укажут ему дорогу домой.

– По-другому и быть не может, – пробормотал он, вставая на колени и изо всех сил стараясь не разрыдаться.

Около полуночи небо было все еще черным как смоль. Туман плотно обступил лодку, на которой за последние часы появилось несколько новых светлых царапин. Это Том в отчаянии нацарапал ножом на скамье три имени. Он старался как мог, хотя нож и не создан для письма. Мать выучила его азбуке, и в пять лет он уже мог писать свое имя. Теодора, конечно же, читала лучше брата, и это ее умение было одной из причин, почему ее до сих пор терпел в своем доме сеньор

Лопес, который за всю свою жизнь даже алфавита не смог выучить.

Теперь на скамье было начертано: Том Коллинз, Элинора Коллинз и Теодора Долорес Васкес. Под ними Том вывел дату и год.

Он вспомнил про макрель в ведре. Она была еще свежая и очень мясистая. Том знал, что проголодается, к тому же рыба была его любимым кушаньем. Особенно макрель. Он говорил это сам себе, пока, поставив ногу на рыбину, вспарывал ей брюхо. Вынув внутренности, Том почистил ее и выкинул жабры за борт.

– Дорогая моя макрель, – громко приговаривал он, промывая мясо рыбы в воде.

– Черт возьми, как же ты пахнешь, – простонал он, кусая зубами мясо и запивая его водой.

Поев, Том улегся на спину и уставился в темень над головой. Он вспоминал запах лимона и думал о той грязной воде, которой он угостил Самору. Гадалка ни словом не обмолвилась о том, что он закончит свои дни здесь.

– Старуха совсем свихнулась, – шепотом проворчал Том, и тут что-то ударило в лодку. Испуганный, он вскочил.

Что-то стукнуло в дно лодки. Потом еще и еще раз. Том зажал рот руками, чтобы не закричать от ужаса. Истории о существах, живших в морских глубинах, были столь же многочисленны, сколь и ужасны. Больше всего

Том боялся половинчатых – заблудших душ, которые влачили свое неприкаянное существование где-то на дне, наполовину люди, наполовину рыбы со светлой чешуей и водянистыми рыбьими глазами, с пальцами-медузами и пастью как у сельдевой акулы.

Том молитвенно сложил ладони и припал лбом к борту лодки, но тут чудовище ударило снова. На этот раз с еще большей силой.

Том стремительно вытащил нож, готовясь драться.

– Только появись, я тебе покажу, – грозно прошептал он.

Но ничего не произошло.

Внезапно стало тихо. Так тихо, что Том даже поверил: дьявольское создание исчезло. Осторожно он подобрался к краю борта и выглянул наружу.

Ничего не видно. Том с облегчением выдохнул, и тут чудовище так толкнуло лодку, что она чуть не перевернулась.

Парализованный страхом Том с ужасом смотрел вниз, на черную воду, в которой медленно появлялось чье-то лицо. Неподвижное лицо с красными щеками, светлыми голубыми глазами и золотистыми локонами.

Том стремительно взмахнул ножом и так сильно всадил его в это лицо, что чуть сам не вылетел за борт. И в ту же секунду понял, что произошло. Облегченно вздохнув, он с бешено колотящимся сердцем перегнулся за борт и ухватился за якорную цепь.

Мгновение спустя он был уже в воде и толкал к своей лод-

ке искусно расписанную фигуру, некогда украшавшую нос корабля. Добравшись до лодки, Том привязал фигуру к борту.

Он скользнул обратно в лодку, сердитый и растерянный, довольный и одновременно мрачный. Том был уверен, что нашел носовое украшение с того самого затонувшего галеона. Он нашел то самое место, где корабль ушел на дно, но что толку?

Перегнувшись через борт, Том с ненавистью уставился в раскрашенное деревянное лицо, проклиная свое невезение.

Наконец, обессиленный, он упал навзничь на дно лодки и закрыл лицо руками. Так он пролежал еще час, в бредовой полудреме и с безумной улыбкой на губах.

«Теперь я умру, – отстраненно думал Том. – Когда-нибудь мою лодку найдут, а с ней и фигуру, украшавшую нос корабля. Люди станут говорить, что Том Коллинз был единственным, кому удалось так близко подобраться к сокровищам. Обо мне начнут слагать легенды...»

– К дьяволу ваши легенды! – заорал Том и вскочил на ноги.

У него вдруг екнуло сердце. Он недоверчиво улыбнулся: прямо над ним, словно рассыпанные чьей-то легкой, но щедрой рукой, мерцали не только знакомые, но и незнакомые созвездия. Да что там созвездия: все, что могло излучать свет, сияло на небе этой ночью. Сверкали и переливались золотом кружевные диадемы; то тут, то там, словно брызги гашеной

известии, на небесный свод ложились мягкие воздушные мазки далеких галактик вместе с крупными, цвета старого золота, созвездиями.

Том смеялся и плакал одновременно.

– О звезды, – вскричал он, – ночная карта морей! Том Коллинз любит вас и благодарит вас от всего сердца!

Теперь никакой туман не помешает ему взять правильный курс домой. Ему хватит сил на обратную дорогу, в этом не было никаких сомнений. Но от носовой фигуры придется избавиться. Она должна остаться здесь. Никто не поверит ему, когда он будет о ней рассказывать, но с самыми хорошими историями так всегда бывает.

Том стремительно отвязал веревку и оттолкнул фигуру от лодки.

Та тут же легла на известный лишь одной ей курс и поплыла, покачиваясь, под звездами со своей извечной улыбкой на устах, словно радуясь тому, что снова свободна.

«Быть может, – подумал Том, – она найдет обломки своего судна и закончит дни на дне морском среди затонувших пушек, бочонков с салом и сундуков, набитых слоновой костью и драгоценными камнями».

Последние слова Том произнес тихо и горько вздохнул.

– А может быть, – пробормотал он, – это носовое украшение обречено на вечные поиски. Оно будет дрейфовать от шхуны к шлюпу, от галеаса к лодке в надежде отыскать свой экипаж, который уже давным-давно покоится в морской мо-

гиле.

– Всего хорошего, – сказал Том фигуре на прощание и взялся за весла.

Он греб уже около часа и вдруг замер, подняв весла вверх и уставившись в темноту.

Откуда-то из тумана донесся крик о помощи.

Глава 3. Рамон Благочестивый

Том заметил вдалеке крупный предмет, который то выныривал, то снова скрывался под водой. На долю секунды Том поверил, что это ожила фигура с носа корабля. Но морок тут же рассеялся. Человек! Он двигался словно во сне и находился довольно далеко от лодки, чтобы можно было различить его лицо и туловище.

Не было никаких сомнений в том, что бедняга услышал шум весел. Скорее всего, это жертва какой-нибудь безжалостной борьбы: нередко двое отчаявшихся людей хватаются каждый за свой конец долгожданной добычи и рвут ее друг у друга. Но в море прав тот, кто сильнее. И, как часто говаривала мать Тома, назад возвращается только победитель и рассказывает всем свою версию случившегося.

Том втянул весла в лодку.

Судя по тому, как слабо и нерешительно звучал этот крик о помощи, человек провел в воде уже долгое время.

Том мешкал, раздумывая, стоит ли ему выдавать себя. Если человек так долго находился на краю гибели, кто знает, вдруг, едва завидев лодку, он набросится на Тома, стремясь спасти себе жизнь? Тому едва ли достанет сил справиться со взрослым мужчиной, даже совсем измученным. Следовало быть настороже и, если что, просто-напросто тихо исчезнуть.

В этот момент Том услышал громкий стон и душераздира-

ющую мольбу о помощи. Чей-то хриплый голос проговорил:
– Спаси меня, брат мой, и ты будешь вознагражден, я клянусь тебе... Клянусь, это так же верно, как и то, что мое имя...

Голос потонул в предсмертном хрипе.

Вытащив нож и положив его на скамью, Том направил лодку туда, откуда доносился голос, и вскоре увидел мужчину, который держался за обломок судна, по форме напоминавший основание мачты.

Держась на достаточном расстоянии от незнакомца, Том решил подать голос.

– Кто вы? – спросил он.

– Друг, друг, – раздался торопливый ответ. – О Господи, благодарю тебя за твою доброту!

– Кто ты?

– Мое имя Рамон эль Пьядосо, – ответил мужчина на испанском. – Я родом из Кадиса, но уже пятнадцать лет служу на португальских торговых судах. Мой добрый друг, помоги мне, я уже четверо суток без воды.

«Эль Пьядосо» по-испански значит «благочестивый». Том покосился на фляжку с водой и увидел, что для двоих ее вряд ли будет достаточно, особенно если этот Благочестивый так сильно страдает от жажды.

– Что с тобой случилось, Рамон? – спросил Том. – Ты потерпел кораблекрушение?

Мужчина жалобно простонал, потом заговорил снова:

– Самое ужасное, что может произойти с моряком. Мятеж! Но скажи мне, мой друг, с кем я говорю? Судя по голосу, ты еще молод.

Поколебавшись мгновение, Том ответил:

– Меня зовут Том Коллинз, и мне четырнадцать лет. Скоро пятнадцать.

– Само небо послало мне тебя, Том Коллинз, – простонал мужчина, – ты будешь вознагражден за свое доброе дело.

– Расскажи мне о кораблекрушении. Мы ведь говорим о португальском галеоне?

– Сначала глоток воды, Том, хотя бы пару капель воды. Мое горло пересохло, а губы потрескались и кровоточат. Но да, да, ты прав, это был прекрасный галеон, который назывался «Святая Елена», настоящая гордость Порто. Его больше нет. Остались только полумертвый боцман из Кадиса и благословенный обломок мачты, на котором раньше красовался наш фор-марсель.

«И еще деревянная фигура с голубыми глазами, – подумал Том. – Про нее этот Рамон Благочестивый, скорее всего, не знает».

Тут пелена тумана развеялась, и Том увидел все как на ладони. Состояние мужчины оказалось поистине бедственным.

Верхняя часть его туловища едва виднелась над водой, голыми руками он обнимал обломок мачты. Его рубашка, бывшая когда-то белой, превратилась в грязные лохмотья, а ко-

жа напоминала крабовый панцирь. Мокрые волосы прилипли к голове, щеки ввалились, руки и ноги посинели от холода, а в глазах застыла мольба, смешанная с отчаянием.

Только теперь Том обнаружил, что мужчина был не один. Рядом с ним находилось еще одно существо, вполовину меньше него ростом. Держась за мачту обеими руками, он уткнулся в нее лицом, и было неясно, жив он или уже оченел.

Бедняга был африканец и, как показалось Тому, почти его ровесник.

Непроизвольно Том подплыл ближе и заметил, как в потухших глазах испанца затеплилась жизнь и промелькнула тень благодарности.

– Спасибо, Том Коллинз, – прошептал он, готовясь отпустить обломок мачты, который до сих пор спасал его от смерти.

Том погрузил весло в воду, еще точно не зная, как следует поступить. Этот человек внушал ему отвращение. И в то же время что-то в нем было странно притягательное.

Всего час назад, когда на море опустилась беззвездная ночь, Том сам просил о помощи, молитвенно складывал руки и выцарапывал надгробную надпись на досках лодки. Теперь же его дела поправились, и он держит в своих руках судьбу другого человека.

Том вспомнил, что мужчина упомянул о вознаграждении. Его слова засели у Тома в голове и зудели там, как надоев-

шая муха, но никаких доказательств того, что испанец говорит правду, он до сих пор не получил, поэтому предпочел держаться от мужчины на расстоянии весла.

– Кто этот негр? – спросил Том.

В своей жизни он видел много африканцев, потому что испанские, португальские и британские суда, перевозившие рабов, частенько бросали якорь у Невиса. Во время стоянок чернокожих выводили на палубу – вычесать вшей и подышать свежим воздухом.

Том с Теодорой не раз поднимались на борт таких судов, чтобы продать пиво, ром, вино, солонину, соль и маис.

Днем рабы всегда хранили молчание, но издавали громкие, леденящие душу крики в ночные часы, когда на кораблях избавлялись от трупов умерших невольников. Говорили, что по дороге из Африки на Карибы гибло больше половины негров, ведь в лучшем случае плавание длилось два месяца, но при плохой погоде растягивалось на полгода и больше.

Однажды, когда Том был еще совсем маленьким, он проснулся ночью от криков, доносящихся с фрегата, стоящего в гавани. Он хотел переползти через маму и броситься бежать на помощь, но мать уложила его обратно в кровать и сказала, что он должен возблагодарить Бога за то, что тот наградил его белой кожей и зелеными ирландскими глазами.

– Ты спрашиваешь, кто он, – простонал Рамон и указал на чернокожего, который не подавал никаких признаков жиз-

ни. – Это раб, которого я прихватил с собой с тонущего судна. Я почти не помню, сколько дней мы с ним уже в море. Ты, верно, думаешь, что я спятил, если стал спасать этого юнца? Думаешь, море помутило мой разум? Нет, мастер Том, этот парень, каким бы черным он ни был и каким бы жалким ни казался, стоит столько золота, сколько весит он сам.

Заросшее бородой лицо испанца расплылось в безумной улыбке.

– Я вижу, тебе это интересно, Том. Я расскажу тебе все, без утайки, если ты дашь мне немного воды. Всего один глоток воды, Том, и ты узнаешь правду об этом пареньке. Ты ведь знаешь, что рабов прозвали черным золотом?

Том отпрянул назад. Само собой, он никогда не торговал рабами, но знал, что цена за взрослого мужчину не была головокружительно высокой. Что уж говорить про этого заморыша, который висел рядом с Рамоном на обломке мачты.

– Спаси меня, – молил испанец, – и ты будешь вознагражден. Неужели ты думаешь, что я просто так таскаю с собой этого чернокожего и делюсь с ним последними каплями пресной воды? Неужели ты думаешь, что я забавы ради день и ночь забочусь о том, чтобы он не сдох? Подумай об этом, Том, ты, похоже, парень умный и рассудительный.

Том отвел взгляд, но слова Рамона уже достигли своей цели.

Он достал фляжку с водой и изучил ее содержимое. Испанец испустил глубокий вздох и жалобно всхлипнул.

– Нам предстоит долгий путь, – Том постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, – и я сам нахожусь здесь уже довольно давно, поэтому не могу дать тебе слишком много.

Рамон облизнул губы, которые потрескались от морской воды и солнца.

– Пару капель, Том, всего пару капель.

– А как быть с тем, вторым? Он умер или еще жив?

– Ох, конечно, жив, мастер Том. Даже не сомневайтесь. Что ему сделается! Этим неграм нужно куда меньше, чем нам. Я видел рабов, которые довольствовались одной лишь росой, оседавшей у них на коже.

Рамон толкнул локтем чернокожего мальчишку, и тот едва заметно шевельнулся. Схватив раба за волосы, испанец запрокинул его голову, и Том увидел исхудавшее лицо и красные воспаленные глаза.

– Скажи что-нибудь своему спасителю, – свирепо потребовал Рамон, – скажи, или я брошу тебя в море. Хватит возиться с тобой!

Какое-то мгновение мальчишка смотрел на Тома. Его потрескавшиеся губы шевельнулись, словно он хотел что-то произнести.

– Видишь, Том, – произнес испанец, – в этом маленьком дьяволе еще хватает жизни. А теперь... теперь глоточек воды, пару капель, Том, сжался надо мной, и я озолочу тебя, а этот день ты будешь вспоминать как лучший день в твоей такой еще недолгой жизни.

– У тебя действительно есть золото? – спросил Том.

– И даже лучше чем золото.

– Драгоценные камни?

– Глоточек воды, Том, и я расскажу тебе мою историю.

Том подгреб ближе, так что между ним и испанцем был только обломок мачты. Он поднял фляжку с водой, мужчина открыл рот и задрал голову.

Первые капли упали на щеки, но остальные попали куда следует. Испанец смеялся и плакал, жадно глотал воду и умолял дать еще.

– Еще пару капель, Том, еще пару капель для Рамона.

Том, изучив содержимое фляжки, дал испанцу еще немного воды, потом заткнул пробку.

Моряку досталось не больше половины стакана, но его взгляд заметно оживился.

– Теперь твою руку, Том. Протяни мне руку, и будем друзьями.

– Как насчет вознаграждения? – Том проверил, на месте ли его нож.

– Неужели тот, кто оказался на самом краю гибели, способен на ложь, Том?

Том бросил взгляд на спокойное море, над которым уже почти рассеялся туман, хорошенько подумал и ответил:

– Да.

Ответ, казалось, ошеломил испанца, и он на мгновение даже потерял опору и ушел с головой под воду. Когда он по-

явился снова, вид у него был совершенно потерянный.

– Тогда брось меня, Том Коллинз, брось. Плыви домой к своей семье, я благодарен тебе за воду и если и буду что проклинать, то не тебя, а твое невезение. Потому что ты встретил в море свою удачу, но не разглядел ее. Ближе к богатству, чем сейчас, ты уже не будешь никогда.

Пока мужчина говорил, Том освобождал место на носу лодки. Решение взять испанца на борт он принял давно; по-другому и быть не могло. К тому же моряк сильно ослаб и не представлял для мальчика опасности.

– Хватайся за борт, – велел Том, – хватайся за борт и забирайся в лодку.

– Ты мудрый мальчик, Том Коллинз, твои родители будут гордиться тобой. К несчастью, моя правая рука пострадала в борьбе за спасение нашего судна, а левая, что все эти дни была мне вместо спасательного троса, теперь едва ли сможет удержать щепотку табаку.

Рамон забросил свою искалеченную правую руку на край лодки, и она лежала там, как дохлая рыбина. Он попытался помочь себе левой рукой, но все равно не смог перебраться через борт.

Том протянул испанцу руку, и тот наконец оказался в лодке. На мгновение он прикрыл глаза, по его щеке скользнула слеза и упала на мертвенно-бледные руки.

– Благодарю тебя, Том Коллинз, – прошептал он, – благодарю.

Рамон выпрямился, все еще испытывая головокружение, высморкал нос и расхохотался в небо, скаля зубы и выплакивая последние слезы.

– Побывав, как я, на краю смерти, учишься ценить жизнь, – отсмеявшись, прошептал он. – Дома в Кадисе у меня остался паренек, на два года старше тебя. Я думал про него, когда смерть подходила особенно близко. Спасибо тебе, Том, благодаря тебе я снова увижу своего любимого сына. Твой отец, должно быть, очень счастливый человек.

– Мой отец умер, – сухо ответил Том.

Рамон закрыл глаза.

– Прости меня, Том. Но твоя мать, она ведь еще жива?

Том кивнул и уставился на обломок мачты – чернокожий мальчишка вцепился в нее так сильно, что, казалось, слился с ней, став с мачтой единым целым. Рамон улыбнулся и подмигнул.

– Давай-ка втащим его в лодку, Том.

Вдвоем они схватили мальчишку за тонкие, безвольно повисшие руки. Парнишка был таким тощим, что можно было пересчитать все его кости, которые того и гляди грозили прорвать кожу на его плечах и бедрах. На худых лодыжках раба болтались черные кандалы весом чуть ли не с него самого.

Парень кулем упал на дно лодки, и Тому показалось, что совсем скоро им придется выкинуть его за борт.

– Эти негры куда более выносливы, чем ты можешь се-

бе представить, – сказал Рамон, заметив его скептический взгляд, – а этот вообще особого сорта.

– Придется ему тоже дать воды, – пробормотал Том.

– И это будет чрезвычайно разумное вложение, Том.

– Мне так не кажется.

– Взгляни на цепочку на его шее, – прошептал Рамон и подмигнул. – Приглядишься, что висит на ней, ибо вся твоя оставшаяся жизнь будет зависеть от этой вещицы.

Том наклонился над мальчишкой. На шее у того действительно была цепочка, сделанная из неизвестного материала. Она сидела туго, нигде не провисая.

Рамон задрал рабу голову и показал Тому кольцо, служившее единственным украшением цепочки. Оно тоже было сделано из неизвестного Тому материала. Во всяком случае, золотым кольцо точно не было. Да и с какой стати раб будет разгуливать с золотом на шее?

– Интересно, Том? – прошептал Рамон. – По глазам вижу, что тебе интересно.

– Из чего сделано это кольцо? – спросил Том.

– Говорят, – загадочно начал Рамон, – что оно сделано из кости зверя, живущего в Африке, и того, кто его носит, оно наделяет редкой силой.

– Подобные истории я слышал не раз, – презрительно сощурился Том.

Рамон усмехнулся, но тут же снова сделался серьезным.

– Я тоже, Том, я тоже. Просторы семи морей просто ки-

шат историями, и сейчас ты услышишь еще одну. Видишь ли, причина, из-за которой судно с полным парусным оснащением, с двадцатью одной пушкой и командой, насчитывавшей восемьдесят вооруженных солдат, со здоровенным трюмом без крыс, чумы и другой заразы, утонуло в первом же своем плавании, лежит на дне твоей лодки.

Едва Рамон вымолвил последнее слово, как раб открыл глаза и посмотрел прямо на Тома. Взгляд его был безрадостен, в нем не было ни гнева, ни печали, ни благодарности.

Испанец лукаво улыбнулся.

– Он понимает все, что мы говорим.

– Они что, говорят в Африке на испанском?

– Я понятия не имею, на каком языке они там говорят, но некоторые из них, особенно дети, знают испанские слова. Когда пять месяцев находишься в плавании, это что-нибудь да значит, и этот парень хоть и раб, а так просто его не проведешь. Видишь ли, Том, когда двое людей несколько суток болтаются в море на каком-то жалком бревнышке, то и дело ожидая смерти, они очень быстро находят общий язык. Не то чтобы я снизошел до какого-то раба, но, когда Бог тебя покинул, даже в таком обществе переносить тяготы легче. Пойми меня правильно, Том, у нас с ним не один и тот же Бог. Если он вообще у него есть. Сам я человек набожный, и меня удивляет, что за все время из его черного рта не вырвалось ни единой молитвы. Поэтому прошу тебя запомнить, Том, никогда не поворачивайся спиной к рабу,

тем более к этому.

– Он что, какой-то особенный? – пожал плечами Том.

Стремительным движением Рамон схватил Тома за запястье. Его губы тряслись, а голос дрожал:

– Этот чернокожий мальчишка – сын вождя. У нас бы его назвали принцем. Его племя населяет один из островов Зеленого Мыса, куда еще ни разу не ступала нога белого человека. Многие пытались, ох и многие... знатные господа на галеонах, грабители на самодельных шхунах, каперы под черным флагом, губернаторы на четырехмачтовых барках, но все они потерпели неудачу. И мало того, Том, мало того. Этот черный как уголь вождь осмелился грабить суда как испанские, так и португальские, и теперь он богаче, чем иные дворяне. В тех краях его считают кем-то вроде бога, неважно, что он черный, для своего племени он велик так же, как Господь наш Всемогущий. И когда разнесся слух о том, что его единственный сын оказался на борту «Святой Елены», начался ад. Волнения, мятеж, грабежи, убийства и, наконец, пожар и кораблекрушение; и все из-за какого-то крошечного колечка – доказательства того, что парень – сын короля. Ты понимаешь то, что я тебе говорю, Том Коллинз? Понимаешь, как тебе повезло, что в этот сентябрьский день ты повстречал Рамона из Кадиса?

Том в ответ лишь плечами пожал. Рамон снова схватил его, но было видно, что он уже овладел собой.

– Сам я инвалид и уже ни к чему не пригоден, моим рукам

пришел конец, но мой дух еще жив. Доставь меня на сушу, и я вознагражу тебя по-царски. Кольцо, что ты видишь на шее этого чернокожего паренька, – это кольцо короля. Каким бы черным он ни был, у себя на родине он – самое главное сокровище своего племени. Спаси меня, Том Коллинз, и ты получишь свою долю богатств в этом королевстве.

– Долю? – прошептал Том.

Боцман кивнул, и его глаза блеснули.

– Половина этого раба будет твоей.

Глава 4. Отец Инноченнте

Том стоял в коридоре возле небольшой комнаты, которая располагалась над покоем сеньора Лопеса. Он только что вернулся домой с моря, и было еще очень рано. Из всех комнат второго этажа эта была самая маленькая и обычно использовалась для хранения парусов и сетей, бочонков со свиной и бутылок с соком. Теперь все это было убрано, и на полу лежала соломенная циновка, а прямо над ней была длинная полка, на которую какой-то заботливый человек поставил вазу с веточкой фиалкового дерева. Этим человеком мог быть только тот, кто спал сейчас на циновке, а именно – моряк из Кадиса.

Едва придя в себя и подлечив свои раны, Рамон принялся плотничать и вырезать деревянные колышки для донных рыболовецких сетей. Такое усердие пришлось по нраву хозяину таверны, особенно после того, как удалось отремонтировать его любимое кресло.

Умение Рамона приспособливаться беспокоило Тома. Каждое утро он спрашивал моряка, когда они отправятся с рабом на острова Зеленого Мыса, и каждое утро получал один и тот же ответ: как только придет корабль, Рамон наймется на судно и заберет чернокожего парнишку с собой.

– Без меня ты никуда не поплывешь, – отвечал Том, – помни наш уговор.

– У меня и в мыслях не было отпраляться без тебя, Том, – уверял испанец, – а этому негру и бежать-то некуда. С ним прямо как с поросенком: чем больше он становится, тем больше мы для него делаем.

Том стоял, прижавшись к двери, и тайком подглядывал за моряком. Он никак не мог раскусить этого Рамона, который, казалось, был благодарен ему за то, что он для него сделал. Но руки боцмана выздоровели и окрепли, а сам испанец оказался чересчур хитрым и обходительным малым и вдобавок умел прикидываться глухим, когда трактирщик принимался жаловаться на еще один лишний рот, который ему приходилось кормить.

Но пока ухо было глухо, уста моряка источали сладость.

– Большая редкость встретить в наши дни такого щедрого человека, как вы, сеньор Лопес, – Рамон даже глаза прикрывал от полноты чувств. – Нет, сеньор, не спорьте. Мы всего лишь четверо жалких людишек, которые ежедневно вкушают плоды вашего гостеприимства и радушия.

– Делаю что могу, – бормотал Лопес, не совсем уверенный в том, дурачат его или и вправду хвалят.

– Позвольте налить хозяину, да побольше. Мне же хватит и малости.

– Ага, вы, значит, тоже будете? – и сеньор Лопес обеспокоенно заерзал в своем кресле.

Но Рамон сделал вид, что не слышит, и вместо этого спросил:

– Где прошла ваша юность, сеньор?

Дальше можно было не волноваться. Рамон спокойно сидел и слушал сеньора Лопеса, который часами мог петь о своем суровом детстве и отрочестве, которые, несмотря на всю свою суровость, наградили его столь добрым нравом.

На протяжении трех недель моряк из Кадиса вил из сеньора Лопеса веревки. Всегда готовый услужить Рамон вел себя крайне любезно, особенно с матерью Тома, которая, однако, редко с ним заговаривала. Она чувствовала, что испанец неискренен, и ждала, когда он покажет свое истинное лицо.

Том ничего такого не замечал, но все же задавался вопросом, с чего бы неотесанному моряку украшать свое жилище свежими цветами.

Чернокожий паренек был временно устроен под полом таверны, в кладовке по соседству с провизией. Том приносил ему еду и следил, чтобы в его кувшине всегда была свежая вода. Одна мысль о том, что парнишка может скончаться от чахотки, была невыносима. Для Тома он стал единственной надеждой когда-нибудь разбогатеть.

В подвал никогда не проникали солнечные лучи, но, по словам Рамона, свет был бы губителен для глаз раба.

– Кроме того, – добавлял испанец, – так он не привлечет ничьего внимания. Представь, что будет, если поползут слухи о том, что мы держим в кладовке сына короля.

Все же матери и сестре Том решился сказать правду, но

это не произвело на них большого впечатления.

– У меня теперь есть собственный раб, – сообщил Том Теодоре.

– Половинка раба, – поправила она его, – и что ты будешь с ней делать? И кстати, мы говорим о правой половинке или о левой? А может, вы поделили его посередине?

– Ты мне просто завидуешь, – фыркнул Том, – впрочем, как и всегда.

Теодора улыбнулась и поправила длинные черные волосы.

– И почему все ирландцы такие глупые? Дураку понятно, что за этого тощего птенчика не дадут и пяти горшков мочи. Ты останешься с носом, Том Коллинз. Рамон надует тебя.

– Зато ты у нас умная, – огрызнулся Том. – Этот мальчишка-раб стоит столько же золота, сколько весит сам, и в один прекрасный день, когда мы доставим его на острова Зеленого Мыса, Том Коллинз разбогатеет и сможет купить половину Невиса, если захочет.

Услыхав последнее замечание, сестра расхохоталась и заявила, что если этого раба будут продавать исходя из его веса, то она не даст за него и дохлой курицы.

В тот же день Том решил кормить чернокожего два раза в день вместо одного в надежде, что тот станет хоть немного более упитанным. Раб по-прежнему ничего не говорил и молча съедал все, что ему приносили. Но когда после нескольких недель удвоенного рациона он не стал выглядеть сильнее или, по крайней мере, здоровее, Том понял, что ху-

доба парнишки была врожденной, и сократил число приемов пищи до одного.

Том постучал в дверь.

Рамон стремительно сел, предварительно спрятав под подушку нож. Но, различив сквозь щели в стене Тома, он улыбнулся и открыл дверь.

– Рано вы сегодня, Том Коллинз.

Том проскользнул внутрь и сел на единственный стоявший в комнате стул.

– Я был в море, – сказал он. – И, кстати, скоро у нас будет гость.

– Гость? Кто? – глаза Рамона забегали.

– Очень важный гость. С чего бы, ты думал, таверну вымыли и отскребли от погреба до чердака?

Рамон попробовал пальцем лезвие ножа.

– Расскажи мне, что тебе известно, – прошептал он.

Речь шла о человеке по имени отец Инноченце, которого отправил на Карибы восьмой по счету папа римский. На самом деле его имя было Саласар, и был он инквизитором, посланным церковью искоренять ересь и преследовать ведьм. Его знали на всех островах в окрестностях Сент-Кристофера, где он успел заработать себе определенную репутацию. По правде говоря, страх людей перед этим святым отцом пересиливал даже страх перед чумой и лихорадкой. Многие

боялись даже нос высунуть за дверь, когда отец Инноченче посещал их остров. Слухи о методах, к которым прибегала инквизиция, выбивая признания из заключенных, давно достигли Невиса. Ни для кого не было секретом, что многие еретики в Испании закончили свои дни на костре.

В последний раз Инноченче был на острове два года назад. Он прибыл в сопровождении десятка солдат, писца и палача, и его слово было для них законом. У него не было друзей, но все его уважали. Во время своих визитов он, как правило, останавливался у сеньора Лопеса, который потчевал инквизитора по всем правилам поварского искусства. За те двое суток, пока в таверне гостил важный гость, хозяин проникался сильным религиозным чувством, а его речь становилась такой витиеватой, что ее с трудом можно было разобрать. Таверну, которая и без того славилась своей чистотой и про которую никто бы не посмел сказать, что здесь привечают еретиков, ведьм или людей с сомнительной репутацией, переворачивали вверх дном, скребли и мыли от погребка до чердака. На самом видном месте откуда ни возьмись появлялось распятие, чтобы любой мог видеть: здесь живет истинный христианин, которым может гордиться папа римский и вся католическая Испания.

Самого сеньора Лопеса тщательно мыли и дезинфицировали от вшей, а его лучшую одежду чистили и штопали.

Рамон уставился в пространство невидящим взглядом. По

его лицу нельзя было ничего прочесть.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Том. – Боишься инквизиции?

Испанец резко поднялся и ответил, что он всегда был богобоязненным человеком и, если потребуется, он поможет отцу Инноченате всем, чем только сможет.

– Ты его знаешь?

Рамон вздохнул.

– Я слышал о нем, но кто может сказать наверняка, что знает отца Инноченате?

– Но ведь у нас на острове нет ведьм, – заметил Том.

Рамон с тревогой взглянул на него.

– Если бы на Невисе не было ведьмы, – прошептал он, – отец Инноченате сюда бы не пожаловал. В народе он известен как самый ревностный из всех инквизиторов. Его пытки чудовищны, а то, что остается от тех, кто попал к нему в лапы, вывешивают на виселице, чтобы внушить еще больший страх остальным.

Том приложил палец к губам, призывая к тишине. Усевшись на пол, он убрал в сторону соломенную подстилку, которая служила Рамону постелью, и с едва заметной улыбкой откинул крышку люка, спрятанную в полу.

Рамон встал на колени рядом с ним.

– Готовы комнаты его превосходительства? – донесся из отверстия голос Лопеса.

– Все в полном порядке, – отвечала мама Тома, пришивая

последнюю пуговицу к хозяйскому камзолу, на спине которого уже предусмотрительно был вшит клин, чтобы, не дай бог, платье не треснуло, когда трактирщик начнет раскланиваться перед святым отцом.

– Чтобы ни одной крысы на полу не было, – сварливо отозвался сеньор Лопес.

– Том расставил по углам ловушки, – ответила мама Тома, – а Рамон забил все щели в кладовке и погребе.

– И чтобы вот она, – хозяин указал на Теодору, – все три последующих дня была глуха и нема как рыба.

Мама Тома громко пообещала, что рот ее дочери будет заперт на семь замков.

– Говорят, – простонал Лопес, – что на этот раз отец Инноченче прибудет на Невис с совершенно особым поручением. Да-да, чего уставились, так оно и есть. Но ничего, теперь мы положим конец ереси.

– Ереси? – мать Тома покосилась на дочь.

– Вот именно, ереси! Разве я не талдычил вам об этом целый год, или вы попросту не желали слушать? Ну ничего, теперь этому придет конец. Скоро появится инквизиция, и вы сами все увидите.

Том закрыл люк.

Рамон стоял около окна, голый по пояс, собираясь переодеться.

Том спросил себя, почему у Рамона на спине всегда свежие рубцы. Мама была права, когда говорила, что у этого ис-

панца странный характер. Перепады настроения случались у него неожиданно.

Как-то раз Том видел Рамона на берегу: он хлестал себя плетью и рыдал, как дитя, безудержно и безутешно. Плеть он взял из покоев сеньора Лопеса, и Том поначалу решил, что моряк собирается научить уму-разуму их общего раба, но вскоре понял, что Рамон самым жестоким образом истязает самого себя.

– Зачем ты это делаешь, Рамон? – спросил Том.

– Потому что я это заслужил, – ответил испанец. – Каждый удар плети.

– Заслужил? За что?

– Тебе лучше этого не знать, Том Коллинз. Я заслужил все муки ада, это так же верно, как и то, что мое имя Рамон из Кадиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.